

Лес переплетался лианами, густые ветви смыкались над головой. Цин раздвигал чашу впереди, так что Сюй Шуанцы, шедший следом, продвигался спокойно и без помех.

Но сегодняшний день отличался от предыдущих: человек и тигр общались на ходу. Сюй Шуанцы указывал на какой-нибудь предмет, а Цин произносил его название. Пользуясь каждой минутой, юноша жадно осваивал язык оборотней.

Вернувшись к пещере, Цин первым делом отнёс сладкие корни в соседний грот. Сюй Шуанцы наблюдал, как зверочеловек порылся в зарослях прямо возле склада пищи и вытащил зубами пучок травы. Едва долетел знакомый запах, как юноша понял: именно из этих стеблей Большой Кот вчера приготовил целебную кашу.

Пройдя мимо Сюй Шуанцы, Цин скрылся в пещере. Юноша подошёл к травянистым зарослям и присмотрелся. Растений, вроде того, что сорвал хищник, здесь росло немало. Почва тут оказалась рыхлой, а сами сорняки выглядели иначе, чем в других местах, — не так буйно. Похоже, эту лечебную траву Цин выкопал и специально посадил возле дома.

Чтобы зверь додумался до такого... Да он, если не считать звериного облика, ничем не уступает человеку. И как только местная фауна умудрилась эволюционировать в подобное русло?

— Шуан.

— Иду!

Услышав, как Большой Кот назвал его по имени, Сюй Шуанцы улыбнулся и сразу вошёл в пещеру.

Опустившись на подстилку из сухой травы, Сюй Шуанцы вытянул руки. Цин уселся рядом: задние лапы подогнуты, передние выпрямлены, словно колонны, а хвост аккуратно свернут у бока. Возвышался он настоящей живой стеной.

Он смотрел сверху вниз, как сувооборотень дрожащими пальцами сдирает присохшую шкуру. Повреждения-то пустяковые, но от боли у юноши подрагивали кисти, а и без того бледные губы сжались в узкую нить.

Отодрав прилипший лоскут, Сюй Шуанцы достал свою прежнюю пижаму. Отрезав полрукава, он ошпарил ткань кипятком, а затем, смачивая её в остывшей кипячёной воде, бережно промыл каждую ссадину. После этого вымыл лечебные стебли, растёр их на плоском камне в кашу и ровным слоем нанёс на раны.

На Золотом Континенте оборотней, владеющих врачеванием, водилось немного. Трава, которую принёс Цин, была самым обычным снадобьем от ран. Однако столь умелой обработки повреждений Цин не видывал даже у жрецов — те действовали куда менее аккуратно.

Цин пристально разглядывал Сюй Шуанцы.

"Похоже, этого суворотня вовсе не изгоняли из племени. Ни одно поселение не выбросит того, кто умеет лечить"

Цин отступил на пару шагов, лёг на своё место и опустил голову. Его хвост принялся мерно ходить ходуном по полу, с шумом взрывая сухую траву.

Сюй Шуанцы поднял взгляд и мягко произнёс:

— Спасибо.

Цин уже усвоил значение этого слова. Посмотрев на юношу, он принял благодарность, однако хвост задвигался с ещё большей резвостью.

Из-за повреждённых рук Сюй Шуанцы пришлось сидеть в пещере. К его удивлению, Цин тоже не уходил на охоту. Пользуясь передышкой, они занялись обучением: один осваивал язык оборотней, а второй — китайскую речь и иероглифы.

Спустя пять дней благодаря простым словам и жестам они уже без особых трудов понимали друг друга в бытовых мелочах.

Прошло пять дней, и раны на руках Сюй Шуанцы затянулись. Погода резко испортилась, ударили холода.

Увидев, как юноша собирает плетёную корзину, Цин понял: тот снова вознамерился выйти наружу.

— Хочу поискать ещё чего-нибудь съедобного, — Сюй Шуанцы прихватил печёные сладкие корни, налил в кувшин горячей воды и с корзиной за спиной подошёл к тигру.

Эти пять дней юноша даром не терял: помимо изучения языка он сплёл ещё несколько коробов, так что в пещере их набралось уже три штуки. Цин, подхватив оставшиеся две корзины и вскинув их на спину, увлёк Сюй Шуанцы в лес. Помнится, красные плоды у суворотня закончились, так что тигр решил первым делом отвести его на сбор фруктов.

Красные плоды — частые гости на Золотом Континенте, они растут повсюду от севера до юга. Созревают эти сладкие древесные фрукты осенью и пользуются огромной любовью у сувороротней. Впрочем, поблизости Цин уже обобрал все деревья, поэтому за остатками приходилось пробираться дальше к югу.

— Почему в лесу не видать других зверей? — спросил Сюй Шуанцы.

— Ушли, — ответил Цин.

— А такие тигры, как ты... умеющие говорить... ещё есть?

— Есть.

В разговоре Сюй Шуанцы старался использовать язык Золотого Континента, а Цин отвечал ему на путунхуа. Они спотыкались на каждом слове, активно жестикулировали. Выходило коряво, но плотные пятидневные тренировки принесли плоды: они худо-бедно приспособились. Где понимали, где догадывались. Из десяти фраз смысловой контакт выходил хотя бы в пяти.

Так, переговариваясь, человек и тигр продвигались вглубь леса.

Когда Сюй Шуанцы запнулся уже во второй раз, Цин остановился.

Юноша растянулся на земле. Выпустив хвост, за который успел ухватиться при падении, он смущённо растерялся. Заметив, что Цин впился взглядом в его ладони, Сюй Шуанцы мгновенно спрятал кисти в рукава из шкуры.

— Извини, я ненароком!

Цин оставался неподвижен, уставившись на него прозрачными, точно ледяные кристаллы, глазами.

— При... пришли? — несмело спросил Сюй Шуанцы.

Цин медленно опустился на брюхо.

— Что случилось?.. — засомневался юноша.

Тигр кивнул на свою спину, предлагая садиться. Сюй Шуанцы поднялся с земли, отряхнул с одежды сухие листья и замялся.

Внезапно его талию обвил длинный хвост. Сильным, ощутимым рывком хищник увлёк его за

собой, и юноша уткнулся лицом прямо в тигриную спину.

Едва его лицо утонуло в густой шерсти, как руки сработали быстрее разума — Сюй Шуанцы тут же крепко обнял зверя за шею. Тело под ладонями дышало жаром, шерсть оказалась жёстче, чем представлялось, а мышцы ощущались наливными, точно каменные валуны.

Ощувив, как Цин одеревенел от такого контакта, юноша невольно улыбнулся. Большой Кот сам предложил подвезти — грех отказываться. Сюй Шуанцы ловко взобрался ему на спину.

Стоило Цину подняться, как Сюй Шуанцы качнуло, и он снова прижался к нему, обхватив руками за шею. Тигр неуютно повел плечами, но сбрасывать седока не стал. Сначала он пошёл шагом, а когда пальцы на его шее слегка разжались, перешёл на трусцу. Убедившись, что юноша освоился, белая бестия мгновенно набрала полную скорость и рванула сквозь чащу.

От прежнего восторга Сюй Шуанцы не осталось и следа — теперь он мечтал лишь об одном: спрятать голову поглубже за тигриный загривок. Юношу трясло и мотало так, что в глазах темнело, и он сжимал объятия всё сильнее, панически боясь вылететь из седла на очередном вираже.

Сколько прошло времени, юноша сказать не мог. Наконец они выскочили из непроглядной лесной гущи на открытый луг. Сюй Шуанцы, прикрывая лицо от ледяного ветра, приподнял голову.

Перед ним раскинулась гладь озера. По берегам колыхались на ветру густые высокие травы. Озёрная вода отражала синеву небес и белогривые облака; по зеркальной поверхности шла лёгкая рябь, а в глубине резвились стайки рыб.

Вспышка — и они снова погрузились в сумрак деревьев. Однако на сей раз Цин вскоре остановился.

Зверь был рослым, с широкой и крепкой спиной. Покуда Сюй Шуанцы лежал на нём, поджарые мышцы в сочетании с густым мехом казались пружинистой подушкой — ехать, в общем-то, было вполне удобно, если привыкнуть к бешеному темпу. Но осенний ветер колючим лезвием резал лицо, омрачая всю поездку.

Едва Цин опустился на землю, Сюй Шуанцы мешком свалился с его спины на траву. Он растянулся на спине и тяжело втянул воздух одревесневшим от холода носом.

— Теперь я понимаю, почему ты раньше не разрешал мне ходить с тобой...

Мягкий хвост соскользнул по щеке сувороротня. Цин дёрнул усами и быстро подогнул лапу, прижав к земле собственной конечностью несносный хвост. Убедившись, что с юношей всё в порядке, он потерял к нему интерес и отошёл разведать обстановку.

Вернувшись, Цин застал Сюй Шуанцы уже на ногах: тот с озадаченным видом разглядывал красные плоды, висевшие высоко на ветвях.

— Высоко-то как... И как их достать?

Деревья красных плодов встречались разной высоты. Сбросив к осени листву, они щеголяли яркими, заметными издали плодами. На нижних ветвях виднелись следы обломов, да и осталось там лишь то, что поклевали птицы. Нетронутый же урожай висел на высоте не менее десяти метров. Сюй Шуанцы умел лазать по деревьям, но без страховки рисковать жизнью не собирался.

Не успело эхо его слов утихнуть, как Цин присмотрел дерево покрепче и с разбегу врезался прямо в ствол.

Сюй Шуанцы расширил глаза от изумления.

В следующее мгновение юноша глухо охнул: хвост Цина подсёк его за талию и прижал к земле, укрыв под телом зверя.

Бабах! С неба хлынул настоящий плодово-красный град.

Сюй Шуанцы задрал голову, глядя на тигра:

— Ты мог бы предупредить, прежде чем таранить дерево? А если бы мне по куполу прилетело? Вдруг сотрясение мозга?

— Не понимаю, — отозвался Цин.

— Ну... фрукты упали... бам! — Сюй Шуанцы изобразил удар руками. — По голове. И всё — покойник!

Юноша откинул голову на траву, зажмурился и вывалил язык, изображая труп.

Цин оглядел его с таким видом, словно перед ним лежал законченный идиот:

— Не убьёт. Можно увернуться.

Сюй Шуанцы насупился. Подумаешь, толстокожий, вот и не бережёт никого! Пока они плохо понимают друг друга, взывать к разуму бесполезно. Юноша решил отложить воспитательные беседы до тех пор, пока их словарный запас не расширится.

Град прекратился. Цин отступил в сторону и поскрёб лапой землю.

— Гниль.

— Ещё бы! — фыркнул Сюй Шуанцы.

Уши тигра дёрнулись, и он, опустив хвост, вознамерился уйти. Сюй Шуанцы, не думая о последствиях, сгрёб его за хвост и потянул на себя.

Шерсть на Цине встала дыбом.

Сюй Шуанцы моментально отскочил назад, увернувшись от инстинктивного выпада, и виновато улыбнулся, спрятав руки за спину. Совсем выскочило из головы: хвост этого хищника — табу!

— Бросать жалко, — быстро проговорил он. — Если соберём и сварим джем, плоды долго не испортятся.

Цин отступил на два шага:

— Идём.

— Не пойду.

— Идём! — Мохнатый хвост петлёй обвил талию юноши, и в следующее мгновение Сюй Шуанцы снова оказался на тигриной спине.

Он ошарашенно уставился на хвост.

"Да откуда в этой штуке столько силищи?! Это же вопреки всем законам физики!"

Они переместились в другое место — уединенную лощину среди гор. Здесь красные плоды росли целыми рощами, и никто их не собирал: земля под деревьями была устлана слоем падалицы.

Сюй Шуанцы замер, переводя взгляд с деревьев на зверя.

— Надо? — спросил Цин.

Сюй Шуанцы прыснул и, зацепляясь за каждое слово, ответил на языке оборотней:

— Надо говорить: "Забираем?"

Посмеявшись над тигром, он повесил корзину на локоть и принялся за сбор. Теперь-то он знал, что местное название этих фруктов — красные плоды. Простенько и без изысков, вполне в духе Большого Кота. Внешне фрукты выглядели неказисто, но крупный плод или мелкий — на вкус они не отличались. Сюй Шуанцы сгребал всё подряд, до чего мог дотянуться. Перезревшие фрукты отдавали приторной сладостью: из них выйдет отличный джем, да и вместо сахара сгодятся.

Красные плоды росли тут сплошной стеной, а земля под ними пестрела молодым подростом. Всего за полчаса все три захваченных короба заполнились доверху, а юноша вдобавок выкопал несколько крепких саженцев. На деревьях оставалось ещё море урожая, но Сюй Шуанцы не планировал возвращаться: Цин к этим фруктам дышал ровно, а для одного человека и трёх корзин хватит с лихвой.

Обратный путь лежал без прежней спешки, и Сюй Шуанцы смог как следует рассмотреть окрестности. По словам Цина, эта роща всё ещё находилась в северной части его владений. Если бы тигр отправился к южной границе в одиночку, ему потребовалось бы целых два дня на пределе сил.

Местность здесь выглядела заметно равниннее их родного уголья, да и озеро поблизости имелось. Дальше к югу тянулась гряда холмов, огибаемая полноводной рекой, что несла свои воды с запада. А речушка, протекавшая перед их пещерой, была лишь мелким притоком этой могучей артерии.

Поскольку Сюй Шуанцы изъявил желание наловить рыбы к ужину, они решили возвращаться вдоль берега. Прибрежная полоса густо заросла деревьями, пробираться пешком было невозможно, поэтому юноша вновь взобрался на спину белого тигра. Цин нёс на себе три полных корзины и седока, но за всё время пути его дыхание оставалось ровным, без единого намёка на усталость.

Сюй Шуанцы шлёпнулся подбородком на тигриный загривок:

— Не подбери ты меня тогда, я наверняка бы сгинул в этом лесу.

Переохлаждение — первая беда, отсутствие еды — вторая. Сколько бы он ни бродил по чаще, дичь встречалась юркая и пугливая, а без оружия поймать кого-то было немыслимо. Незнакомые растения пугали своей неизвестностью — боязно отравиться. Разве что случайно выбредет к реке да сумеет сцапать пару рыбёшек.

— Не сгинул, — коротко обронил Цин.

— Так это мне сказочно повезло, — Сюй Шуанцы улыбнулся и ласково погладил тигра по голове. — Спасибо тебе, Большой Кот.

Цин мотнул головой и переспросил:

— Большой Кот?

<http://bllate.org/book/20124/1992993>